111 4/93

111 4/93

Н. Н. Ѳирсовъ.

111 4/93

ЦАРЬ
ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.

(Изъ вступительной лекціи, читанной въ казанскомъ университетѣ 31 октября).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія В. М. Ключникова.
1892 г.

111 4/93

Н. Н. Ѳирсовъ.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.

(*Изъ вступительной лекціи, читанной въ казанскомъ университетѣ 31 октября*).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія В. М. Ключникова.
1892 г.

Дозволено цензурою. Казань, 15 декабря 1892 года.

Гос. историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 350795
„——“ —— 193 г.

Если отбросить партійные вкусы и разобрать, что собственно въ Грозномъ импонировало современникамъ и историкамъ, то нельзя не замѣтить, что это его литературный и ораторскій таланты. Обаятельная сторона личности царя Ивана заключается въ его зломъ юморѣ, въ его способности говорить и писать съ захватывающимъ увлеченіемъ. Весьма чуткая впечатлительность, пылкое воображеніе и острый умъ—вотъ что сдѣлало царя Ивана эффектнымъ ораторомъ и писателемъ и вотъ что сдѣлало изъ него человѣка, не умѣвшаго жить и править. Царь Иванъ совсѣмъ не практикъ; онъ является какимъ-то исключеніемъ среди типическихъ великоруссовъ—московскихъ князей, начиная съ самаго древняго времени дѣйствительно похожихъ другъ на друга въ своей главной чертѣ разсудительныхъ пріобрѣтателей; мнѣ кажется, не будетъ большою смѣлостью думать, что если въ царѣ Иванѣ, какъ личности, ничего незамѣтно предковскаго по мужской линіи, то, вѣроятно, основныя черты характера онъ получилъ по наслѣдству отъ женской линіи, отъ страстной литвинки велик. кн. Елены. Самая наружность Грознаго, насколько о ней можно судить по дошедшимъ до насъ описаніямъ, представляетъ не великорусскій типъ; „носъ протягновенъ и поклянъ“ и длинные усы—скорѣе напоминаютъ литвина или южно-русса, чѣмъ великорусса; любопытно и то, что физіономія Грознаго не нравилась московскимъ людямъ; между тѣмъ, какъ иностранцы находили ее красивой; въ одномъ русскомъ хронографѣ XVII стол. царя Ивана аттестуютъ, какъ человѣка съ „нелѣпымъ образомъ“.

Итакъ, царь Иванъ Васильевичъ, не получивъ практическихъ способностей своихъ московскихъ предковъ, попалъ, говоря вообще, не на свое мѣсто; будучи лишь „мужемъ чуднаго разсужденія“, онъ скорѣе былъ бы пригоденъ для кабинета или, самое большее, для трибуны, чѣмъ для тѣхъ московскихъ дѣлъ, въ самый водоворотъ которыхъ помѣстилъ его случай. Это соображеніе вполнѣ оправдывает-

ся особенною склонностью Ивана къ чтенію и литературнымъ занятіямъ, благодаря чему онъ успѣлъ пріобрѣсти у немногихъ книжныхъ людей репутацію „въ словесной премудрости ритора“, потому что дѣйствительно былъ „въ наукѣ книжнаго наученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло“.

Но всмотримся повнимательнѣе какъ въ общія условія той эпохи, такъ и въ условія личной жизни Ивана, чтобы эти предварительныя замѣчанія сдѣлались болѣе или менѣе ясными.

Достаточно выяснено, что своими политическими успѣхами московскіе князья были обязаны положенію ихъ „отчины и дѣдины“ въ центрѣ Великороссіи, откуда было очень удобно какъ обороняться, такъ и совершать захваты. Территоріальные захваты московскихъ князей увеличивали ихъ экономическое благосостояніе, которое, въ свою очередь, увеличивало ихъ политическое значеніе, по отношенію къ сосѣдямъ—внѣшнимъ и внутреннимъ. Ко времени царя Ивана самостоятельныя прежде области верхняго поволжья сдѣлались собственностью московскаго княжескаго дворца; звуки вѣчевыхъ колоколовъ Великаго Новгорода и Пскова уже замолкли навсегда. Московское государство было округлено уже настолько, что внѣшними сосѣдями теперь оказались три татарскихъ царства, Литва и Ливонія. Потомки прежнихъ внѣшнихъ сосѣдей московскаго княжества, потомки самостоятельныхъ князей сдѣлались теперь внутренними сосѣдями великаго князя московскаго, потому что, войдя въ составъ боярскаго класса, они пополнили боярскую думу, вмѣстѣ съ княземъ управлявшую государствомъ. Но, не смотря на совмѣстное управленіе съ своими боярами, московскій князь, сдѣлавшись богатымъ и сильнымъ, уже пересталъ считать себя лишь предсѣдателемъ думы. Онъ началъ разсматривать своихъ „извѣчныхъ бояръ“, не какъ совѣтниковъ только, а, главнымъ образомъ, какъ безпрекословныхъ исполнителей своей воли, какъ слугъ, а не товарищей. Такое отношеніе великаго князя къ главенствующему общественному классу не могло, разумѣется, прійтись по сердцу какъ исконнымъ московскимъ боярамъ, хранившимъ традиціи прежнихъ старшихъ дружинниковъ и совѣтниковъ князя, такъ и особенно потомкамъ владѣтельныхъ предковъ, называвшихъ когда-то московскаго князя не государемъ, а братомъ

Съ другой стороны, не успѣлъ еще изгладиться изъ памяти недавнихъ республиканцевъ-новгородцевъ и псковичей шумъ ихъ послѣднихъ сходовъ; тѣмъ болѣе, имъ были памятны горькія, полныя драматизма, сцены упраздненія ихъ вольности. Отсюда неудивительно,

что какъ при дворѣ московскаго государя, такъ и въ отдаленныхъ отъ него Новгородѣ и Псковѣ гнѣздилось недовольство новыми московскими порядками, слышался ропотъ на виновниковъ новаго положенія дѣлъ на Руси.

Глухая оппозиція московскому режиму началась прямо съ того момента, когда онъ окончательно опредѣлился. Великій князь Василій Ивановичъ, не любившій „встрѣчи" и начавшій обсуждать важныя дѣла прежде всего съ довѣренными лицами, „самъ третій у постели", настолько уже опредѣлился, какъ правитель, что недовольные современники начали указывать на его отца, какъ на человѣка, любившаго „вершить" дѣла сообща съ своими боярами. Лишь только началось выраженіе недовольства на быстро развивавшееся самодержаніе, тотчасъ же начались и казни особенно невоздержанныхъ на языкъ говоруновъ; но умѣренный и разсудительный Василій Ивановичъ, хотя и наказывалъ рѣзко осуждавшихъ его внутреннюю политику, однако, не заподозрилъ въ измѣнѣ цѣлаго общественнаго класса и, умирая, малолѣтняго своего сына поручилъ боярамъ. „Мы вамъ государи прирожденные,—говорилъ онъ,—а вы наши извѣчные бояре; и вы стойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государь и чтобы была въ землѣ правда. Но „правды" „въ землѣ" не было. Дѣло въ томъ, что великій князь былъ, прежде всего, пріобрѣтатель; его личная польза всегда стояла на первомъ планѣ; таковы же были и его „извѣчные бояре"; у всѣхъ ихъ существовала одна капитальная жизненная цѣль: всякими путями нажиться на счетъ населенія. Московскіе князья до Грознаго, преслѣдуя эгоистическія цѣли во внутренней своей политикѣ, были все же довольно умѣренны въ этомъ отношеніи; но когда во время малолѣтства будущаго царя Ивана пришлось управлять государствомъ боярамъ, то они настолько спѣшили воспользоваться властью, что забыли о всякихъ границахъ „хищеній"; раззоривъ народъ, они разграбили и дворцовую казну, накопленную предками Грознаго.

Было бы невѣроятно, чтобы царь Иванъ, воспитавшись въ такой средѣ, сталъ пополнять раззоренную казну какъ-нибудь иначе, а не такъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ современные иностранные наблюдатели, особенно Флетчеръ; Грозный, какъ бы ни смотрѣли на него въ другихъ отношеніяхъ, въ своей экономической политикѣ является не только прямымъ наслѣдникомъ своихъ предковъ, но даже послѣдователемъ того же боярскаго хозяйствованія, которое онъ самъ на первыхъ порахъ своей самостоятельной дѣятельности подвергъ рѣзкому и всенародному осужденію.

Политическія понятія Ивану доставила та же, окружавшая его, среда. Даже въ то время, когда онъ еще ребенкомъ наблюдалъ, какъ бояре „неистово ногами пихали вещи“ его матери и ихъ „спицами кололи“, какъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, садясь на лавку, клалъ ногу на постель отца Ивана, даже тогда маленькій великій князь зналъ, что онъ обладаетъ властью надъ всѣми этими становившимися ему ненавистными людьми. Иванъ не могъ этого не знать, потому что иногда предъ его глазами происходили и другія сцены. Ребенокъ видѣлъ тѣхъ же самыхъ бояръ, какъ они во время пріема иностранныхъ пословъ держали себя подобострастно предъ нимъ, относясь къ нему, какъ самые почтительнѣйшіе его слуги. Но это были рѣдкіе моменты. Въ обыкновенное время эти слуги вели себя господами, почти вовсе не обращая вниманія на великаго князя, воспитывая его съ братомъ, по словамъ самого Ивана, „какъ иностранцевъ или какъ нищихъ“. „Какой нужды не натерпѣлись мы съ братомъ Георгіемъ въ одеждѣ и пищѣ“, писалъ Иванъ впослѣдствіи, характеризуя боярское воспитаніе.

Но, по мѣрѣ того, какъ Иванъ подросталъ, обращеніе съ нимъ бояръ измѣнялось, все болѣе и болѣе приближаясь къ тому раболѣпному пошибу, который раньше практиковался только во времена оффиціальныхъ церемоній. Началось и потворство чувственнымъ наклонностямъ Ивана, о которыхъ рано заявила его страстная природа. Подъ вліяніемъ нашептываній о его власти, могуществѣ, а также подъ вліяніемъ похвалъ далеко непохвальнымъ его поступкамъ, въ душѣ Ивана окрѣпло убѣжденіе, что онъ „воленъ“ дѣлать все, что только захочетъ. Давно пропагандируемая высшимъ духовенствомъ византійская идея самодержанія, которою уже были тронуты предшественники Ивана, но болѣе внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ образомъ, теперь упала на особенно благодарную психическую почву, подготовленную къ тому же обширнымъ чтеніемъ. Практическіе предки Ивана были довольно беззаботны на счетъ литературы, и это обстоятельство явилось одною изъ причинъ ихъ сравнительной скромности во всѣхъ вопросахъ болѣе или менѣе теоретическаго характера; въ затруднительныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ дѣлѣ объ ересяхъ, они всегда полагались на авторитетъ духовенства. Не таковъ вышелъ царь Иванъ. Въ самые юные годы Иванъ съ жадностью прочиталъ все, что составляло древнюю русскую литературу: хронографы, т. е. священную, церковную и римскую исторіи, русскія лѣтописи, творенія и житія св. отцовъ. Это чтеніе дало ему твердую опору для убѣжденія, навѣяннаго самою жизнью, что „жаловать своихъ

холопей мы вольны и казнить ихъ также вольны". Затѣмъ, чтеніе книгъ, проникнутыхъ духомъ древняго благочестія, настроило воображеніе Ивана на религіозный тонъ; будь Иванъ другая натура—духовное чтеніе только скользнуло бы по его душѣ, не оставивъ въ ней почти никакого слѣда, а потомъ совершенно исчезло бы подъ вліяніемъ новыхъ, ничего не имѣющихъ общаго съ религіей, интересовъ; но юноша Иванъ имѣлъ душу очень впечатлительную и сосредоточенную: разъ запавшее въ нее не оставляло ея уже никогда; вотъ почему даже самый безпощадный терроръ царя облекся впослѣдствіи въ монастырскую одежду. Вообще, чтеніе укрѣпило въ Грозномъ не только извѣстную государственную идею, сообщивъ ей религіозный оттѣнокъ, но также сдѣлало его стойкимъ въ самомъ православіи, освѣтивъ послѣднее вполнѣ опредѣленнымъ свѣтомъ. Царь Иванъ, какъ всякій ярый начетчикъ, выяснивъ себѣ главнѣйшія основы православія, сталъ считать себя и, можетъ быть, дѣйствительно былъ самымъ компетентнымъ русскимъ богословомъ своего времени. Не даромъ даже въ періодъ вліянія на царя Сильвестра Иванъ самъ разсматривалъ дѣло о „недоумѣнныхъ", т. е. еретическихъ рѣчахъ Башкина, для того, чтобы опредѣлить на сколько онѣ могли бы повредить церкви. Все это, вмѣстѣ взятое, особенно сильно развило въ Иванѣ самолюбіе. Чѣмъ болѣе бояре въ дѣтствѣ оскорбляли самолюбіе Ивана, тѣмъ болѣе и болѣзненнѣе оно развивалось. Сознаніе собственнаго достоинства, какъ правителя и человѣка, заставляло Ивана страдать отъ оскорбленій и болѣе успѣшно воспитывало въ его душѣ непримиримую ненависть къ оскорбителямъ. Когда терпѣніе великаго князя совершенно истощилось, онъ рѣзко заявилъ о своихъ правахъ, приказавъ схватить и умертвить одного изъ кн. Шуйскихъ. Съ этихъ поръ Иванъ началъ пользоваться своею властью и прежде всего явился мстителемъ тѣмъ лицамъ, которыя такъ или иначе оскорбили его раньше; теперь за „невѣжливыя рѣчи", по приказанію Ивана, уже отрѣзывали языки и отрубали головы... Но великій князь думалъ не только о мести... Страшный московскій пожаръ и бунтъ произвели на Ивана потрясающее впечатлѣніе; въ томъ угнетенномъ состояніи, въ какомъ онъ тогда находился, довольно было нѣсколькихъ сочувственныхъ, призывавшихъ къ иной дѣятельности, словъ, чтобы Иванъ рѣшилъ перемѣнить образъ жизни, поставивъ ей благородную цѣль; въ этотъ моментъ Иванъ нуждался въ участіи и совѣтѣ. Несомнѣнно Сильвестръ былъ извѣстенъ ему какъ человѣкъ, способный своей бесѣдой поддержать въ трудную минуту. Душевный во вкусѣ того времени разговоръ съ этимъ іереемъ направилъ самолюбіе Ивана въ

другую сторону, уже не для того, чтобы мстить оскорбителямъ, а чтобы хорошимъ управленіемъ достигнуть такой же славы, какую въ старину получили мудрѣйшіе и благочестивѣйшіе государи.

Такимъ образомъ вліяніе попа Сильвестра сводится къ тому, что онъ помогъ царю Ивану поскорѣе выбраться на ту дорогу, на которую все равно вывелъ бы его начавшійся въ немъ трудный психическій процессъ. Пожаръ и бунтъ обострили этотъ процессъ, а Сильвестръ нѣсколько облегчилъ его; но эта внутренняя работа въ новомъ направленіи началась не съ момента пожара, а гораздо раньше; до этой катастрофы Иванъ самостоятельно уже пришелъ къ двумъ рѣшеніямъ, которыи имъ были исполнены наканунѣ поразившихъ его московскихъ событій. Я говорю о женитьбѣ Ивана и о принятіи имъ царскаго титула; при этомъ, по сообщенію лѣтописца, митрополитъ и бояре были рады тому, что государь, хотя и молодъ, а ни съ кѣмъ не совѣтуется, и даже „прародительскихъ чиновъ поискалъ“.

Рѣшивъ править милостиво, Иванъ, однако, не могъ удержаться, чтобы не высказать глубокой ненависти къ боярскому классу. Въ 1550 году въ присутствіи митрополита, освященнаго собора и выборныхъ отъ городовъ 19-ти лѣтній царь говорилъ: „Молю тебя, святый владыка, будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери осьми; родственники о мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись; я же, какъ глухой, не могъ обличить ихъ, по молодости и неопытности, а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! какой теперь дадите отвѣтъ намъ, что многіе слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего“. „Люди Божіи и Богомъ намъ врученные! —говорилъ царь дальше,—вашихъ обидъ, раззореній и налоговъ, надѣланныхъ неправдами моихъ бояръ и властей, теперь исправить уже невозможно. Молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ; въ этихъ дѣлахъ и новыхъ впредь я вамъ самъ буду судья и оборона, неправды буду раззорять и хищенія возвращать“. Не довѣряя боярамъ, царь приблизилъ къ себѣ людей новыхъ, худородныхъ, сказавъ одному изъ нихъ, Адашеву: „я тебя пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ же, кто-бъ печаль мою утолилъ, и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ“. Въ этихъ

словахъ ясно высказывается и сознаніе Иваномъ своего значенія, и объясненіе, почему онъ приблизилъ къ себѣ новыхъ людей; не для того, конечно, чтобы они дали царю понять его недостатки, а чтобы они помогли ему въ управленіи по его самостоятельнымъ указаніямъ. Эти новые люди, взятые „отъ гноища", должны были имѣть очень много такта, чтобы не забыть своего мѣста и не затронуть чувствительнаго, уже много натерпѣвшагося, самолюбія человѣка, которому, по его понятіямъ, были „вручены" люди самимъ Богомъ.

А между, тѣмъ, новые совѣтники повели себя въ высшей степени грубо, показавъ тѣмъ, что ихъ нравы и понятія были нисколько не выше средняго уровня окружавшей ихъ среды. Они повели себя точно также, какъ обыкновенно поступали придворныя партіи, которымъ удавалось получить временное довѣріе государя: начали наговаривать царю на всѣхъ тѣхъ, кто становился имъ поперекъ дороги къ возвышенію ихъ придворнаго значенія. При этомъ не пощадили не только родственниковъ царицы, но даже самой Анастасіи, которая, повидимому. лучше „утоляла печаль" Ивана, чѣмъ „попъ" Сильвестръ съ товарищами. Впослѣдствіи царь горько жаловался на такое отношеніе „совѣтниковъ" къ любимой своей супругѣ, упрекая кн. Курбскаго, что „санклитія" его доброхотовъ „на царицу Анастасію ненависть воздвигла, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ".

Впослѣдствіи же Иванъ, вѣроятно, преувеличилъ роль этой „синклитіи" въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, отъ которыхъ онъ былъ будто бы совсѣмъ утраненъ попомъ Сильвестромъ, Адашевымъ и кн. Курлятевымъ: эти лица, „снимая съ насъ власть,—писалъ царь,—не докладывали намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто насъ не было"; но изъ этихъ словъ во всякомъ случаѣ видно, что Иванъ очень мучился отъ той нравственной опеки, которую началъ давать ему чувствовать попъ Сильвестръ съ своими единомышленниками. Царю Ивану была нужна сочувствующая душа, а не смотритель за его поведеніемъ. Въ тяжелый для Москвы моментъ Сильвестръ и явился во мнѣніи Ивана человѣкомъ, способнымъ „утолить" его „печаль", „для духовнаго совѣта и спасенія души взялъ я попа Сильвестра,—писалъ царь впослѣдствіи; и, по сознанію самого Ивана, „попъ" „началъ хорошо": и царь „ему, для духовнаго совѣта, повиновался". Но затѣмъ ошибка Ивана въ Сильвестрѣ скоро обнаружилась, такъ какъ послѣдній вовсе не понялъ, что было нужно молодому царю. Человѣкъ, уже немолодой, проникнутый ходячею житейскою моралью, попъ Сильвестръ очень просто понялъ свои обязан-

ности по отношенію къ душѣ Ивана, именно такъ, какъ понимали ихъ всѣ средніе люди той эпохи. Мудрость этихъ людей, между прочимъ, говорила, что юноша долженъ имѣть „душевную чистоту и безстрастіе тѣлесное, ступаніе кротко, гласъ умиленъ, слово благочинно; пищу и питіе немятежно; при старѣйшихъ молчаніе; при мудрѣйшихъ послушаніе“. Сильвестръ, литературный представитель этой мудрости, въ ея духѣ и дѣйствовалъ: онъ входилъ въ мельчайшія подробности жизни царя: „сколько спать, во что одѣться“, и даже не стѣснялся регулировать интимныхъ отношеній царя къ супругѣ. Естественно, вмѣсто „утоленія“ души, получилось ея угнетеніе; рецептъ, приведенный мной изъ „домостроя“, былъ бы очень удобенъ для натуры молчалинскаго типа, а не для такого безпокойнаго и мнительнаго сердца, какимъ обладалъ царь Иванъ, а этого-то „попъ“ не понялъ, да и не могъ понять. Только Иванъ попробуетъ „прекословить“, вовсе не желая „молчать предъ мудрѣйшими“, какъ ему эти „мудрѣйшіе“ кричатъ, „что и душа-то его погибнетъ, и царство-то раззорится“. Послѣ подобныхъ бесѣдъ Ивану стало казаться, что его считаютъ „слабоумнымъ“... Насколько эти ежедневные уколы его самолюбію были серьезны, ясно показываетъ то обстоятельство, что впослѣдствіи въ полемикѣ съ кн. Курбскимъ царь не разъ укоряетъ „синклитію“ въ томъ, что она смотрѣла на него, какъ на ребенка. Между тѣмъ, Иванъ не могъ не сознавать ни своихъ способностей, ни своихъ знаній; онъ не могъ, напр., не замѣтить своего умственнаго превосходства предъ „попомъ“, который въ его глазахъ скоро выяснился, какъ человѣкъ, если и благочестивый, то мало знающій, „невѣжда“, который, по мнѣнію Ивана, своимъ управленіемъ лишь „раззорилъ“ бы царство, какъ это бывало, и у другихъ народовъ когда за правительственное дѣло брались „попы“.

Иванъ очень хорошо сознавалъ, что онъ высказывалъ предъ „синклитіей“ „разумныя мнѣнія“, но эти мнѣнія почему-то не принимались; „синклитія“ какъ бы для большаго униженія молодого царя принимала совѣты другихъ лицъ, хотя эти совѣты и были не хороши, по мнѣнію Ивана.

Такое положеніе было невыносимо царю, „такое утѣсненіе, —пишетъ онъ,—увеличивалось не день ото дня, а часъ отъ часу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивалась и мнительность Ивана, которому, наконецъ, показалось, что опекуны-совѣтники, послѣ казанскаго взятія, „повезли“ его домой, „какъ плѣнника“. Насколько царь Иванъ былъ раздраженъ на его окружавшихъ, хорошо объясняетъ случай, разсказанный, кн. Курбскимъ; на третій день, по взятіи Казани, царь, разгнѣвавшись на одного изъ воеводъ, воскликнулъ: „теперь

оборонилъ меня Господь Богъ отъ васъ". Очевидно, у Ивана давно уже накипѣло на сердцѣ, и онъ давно уже подумывалъ о томъ, что пора положить конецъ тягостной для него опекѣ; завоеватель новаго могущественнаго царства, онъ еще болѣе почувствовалъ свои силы, какъ это всегда бываетъ у нервныхъ и впечатлительныхъ людей во время успѣха. Лестно было такому самолюбивому человѣку, какимъ былъ Иванъ, сознавать, что онъ теперь не только великій князь и царь всея Руси, но и царь казанскій, а немного позднѣе и астраханскій! Извѣстный инцидентъ съ присягой во время тяжелой болѣзни царя ускорилъ исполненіе пока тайнаго его желанія. Большинство бояръ отказывалось присягать малолѣтнему сыну царя Дмитрію, не смотря на то, что умирающій то приказывалъ имъ, то умолялъ: „вѣдь, вы цѣловали мнѣ крестъ не одинъ разъ",—говорилъ онъ, „что мимо насъ другихъ государей вамъ не искать. Я васъ привожу къ крестному цѣлованію, велю вамъ служить сыну моему Дмитрію, а не Захарьинымъ; я съ вами не могу говорить много, вы души свои забыли"... Не стѣсняясь предъ тяжело больнымъ, бояре кричали и бранились между собой. Синклитія при этомъ вела себя болѣе, чѣмъ двусмысленно; это легко убѣдило царя, что новые люди, взятые отъ „гноища", и старые бояре—одно и тоже. Какіе въ самомъ дѣлѣ слѣды могли оставить въ характерѣ Ивана сцены съ присягой? Зная основныя черты этой личности, нетрудно догадаться, что Иванъ окончательно долженъ былъ потерять вѣру въ людей, потому что въ критическую минуту ему измѣнили даже тѣ, которыхъ онъ все же выдѣлялъ изъ придворной толпы, хотя и тяготился ихъ опекой. Теперь Иванъ уже не могъ терпѣть „утѣсненія" отъ своихъ совѣтниковъ. Послѣ случая съ присягой онъ довольно скоро пришелъ къ безпоротному заключенію, что владѣтель нѣсколькихъ царствъ не долженъ слушать никого, потому что всѣ подвластные—рабы, въ которыхъ нѣтъ любви къ „самодержцу", которые всегда готовы измѣнить ему; вслѣдствіе такого настроенія царь рѣшилъ доказать боярству, что „русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ царствомъ, а не бояре и вельможи".

Словомъ, Иванъ, по его собственнымъ словамъ, „въ лѣтахъ совершенныхъ" не захотѣлъ быть „младенцемъ", не захотѣлъ „быть обладаемымъ рабами"; рѣшивъ вести войну съ Ливоніей, т. е. продолжать дѣло предковъ, чтобы пробиться къ Балтійскому побережью, Иванъ не слушалъ уже отговоровъ „попа невѣжды", хотя Сильвестръ и грозилъ „за непослушаніе Божескимъ наказаніемъ. Какъ раньше Иванъ не зналъ ни въ чемъ мѣры, даже въ „повиновеніи" попу

Сильвестру, „повиновенію“ идейному, чрезъ силу, такъ и теперь онъ перешелъ всякія границы въ удовлетвореніи своимъ отрицательнымъ чувствамъ ко всѣмъ, заподозрѣннымъ въ измѣнѣ. Некому стало утолять его душевную печаль. По смерти первой жены, онъ остался совершенно одинокъ съ своими думами о дрянности людей, о своемъ могуществѣ, которое пытались было перехватить себѣ эти люди, его рабы. Начавшіяся опалы и казни усилились послѣ бѣгства кн. Курбскаго въ Литву. Эта измѣна еще болѣе подтвердила царю Ивану, что онъ правъ и что щадить не слѣдуетъ никого, кто выказалъ ему малѣйшее неповиновеніе. Мнительность Ивана достигла до крайнихъ предѣловъ, когда онъ прочиталъ письмо кн. Курбскаго, исполненное горькихъ упрековъ царю за безмѣрное самовластіе, письмо, говорившее о понятіяхъ и чувствахъ цѣлаго класса, который печалился объ утраченныхъ навсегда удѣльныхъ порядкахъ. Иванъ такъ сильно былъ оскорбленъ упреками, что, хотя и сознавалъ свое униженіе писать бѣглому „холопу“, однако, не могъ удержаться отъ отвѣта, обнаружившаго предъ потомствомъ оригинальное литературное дарованіе царя, его замѣчательную начитанность и завѣтныя мысли.

Порывистость и неумѣренность натуры Ивана особенно рельефно проявилось въ его перепискѣ. Элегическое описаніе дѣтства и, вообще, грустныхъ для него событій, такъ что кажется, будто царь очень жалѣлъ себя, когда это писалъ, смѣняется рѣзкимъ негодующимъ тономъ....Иванъ становится положительно „прегордымъ царскимъ величествомъ“ (какъ назвалъ его Курбскій), лишь только припомнилъ противопоставленіе „доблестныхъ“ смоленскинъ Ростиславичей „кровопійственному роду“ московскихъ князей, противопоставленіе, сдѣлан- кн. Курбскимъ, потомкомъ этихъ Ростиславичей. Рѣчь слышится очень энергическая: „ты, собака, и того не разсудишь, какъ три патріарха собрались со множествомъ святителей къ нечестивому царю Ѳеофилу и многосложный свитокъ написали; но все такихъ хуленій, какъ ты, не написали, хотя и нечестивъ былъ царь Ѳеофилъ“. Юморъ царя даже кн. Курбскій находилъ „кусательнымъ“, и въ письмахъ Грознаго разсѣяно немалое количество злорадныхъ насмѣшекъ надъ ненавистными ему лицами. Вообще, литературныя произведенія царя Ивана прочно устанавливаютъ тотъ фактъ, что Грозный, презиравшій „рабовъ ласкателей“ и ненавидѣвшій „рабовъ-измѣнниковъ“, былъ рабомъ своего настроенія; послѣднее захватывало его всецѣло: грустью, гнѣвомъ, злорадной похвальбой, смиреніемъ и язвительной насмѣшкой царь Иванъ увлекался одинаково искренне и сильно... Послѣ измѣны кн. Курбскаго и его отповѣди царю подо-

зрѣніе въ измѣнѣ всего боярскаго класса такъ глубоко захватило царя, что онъ пришелъ къ мысли испытать вѣрность ему народа и при томъ самымъ радикальнымъ средствомъ, на какое только могъ рѣшиться самодержавный правитель, уже зарекомендовавшій себя жестокими казнями. Царь Иванъ отказался отъ престола.

Удалившись изъ Москвы въ Александровскую слободу со всѣмъ своимъ имуществомъ и комнатными служилыми людьми, царь чрезъ мѣсяцъ, 7-го ноября 1565 г., прислалъ митрополиту грамоту, въ которой, указавъ на измѣны и грабежи бояръ и приказныхъ людей, а также на покрываніе ихъ духовенствомъ, заявилъ, что онъ, „царь, отъ великой жалости сердца, не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ его Богъ наставитъ". Въ другой грамотѣ къ купцамъ и, вообще, меньшимъ людямъ Москвы было сказано, чтобы „они сомнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ".

Опытъ удался, тѣмъ болѣе, что царь опирался на простой народъ, вообще сочувствующій грозному царю въ своихъ пѣсняхъ. Между тѣмъ, желая сломить неповиновеніе правящихъ классовъ, „вывести измѣну изъ каменной Москвы", Иванъ несомнѣнно преувеличилъ боярскія „крамолы". Строго говоря, и неповиновенія не было; было только глухое недовольство среди боярства, подобное тому, какое существовало и при отцѣ Ивана и при его матери, когда недовольные или дурно разговаривали о представителяхъ верховной власти, или бѣжали то въ Крымскую Орду, то въ Литву. Иванъ же вообразилъ, что противъ него бояре составляютъ заговоры, стремясь уничтожить все его семейство; но непредубѣжденный наблюдатель политической стороны найдетъ въ боярствѣ времени Грознаго лишь пассивную и весьма понятную оппозицію, еще болѣе, чѣмъ раньше, притаившуюся подъ вліяніемъ террористическихъ мѣропріятій царя, оппозицію, которая выражалась и—это самое большее—въ бѣгствѣ изъ отечества. Только бѣглецъ съ чужбины могъ высказать Ивану то, что лишь думали бояре о настоящемъ и прошломъ Руси. Но съ Грознаго было достаточно и того, что они думали, осмѣливались жалѣть о своихъ старыхъ правахъ и обычаяхъ.

Практическое рѣшеніе вопроса, „воленъ ли" царь слугъ своихъ „казнить", дорого стоило Ивану; источники свидѣтельствуютъ, что въ какіе-нибудь 35 лѣтъ отъ роду онъ уже выглядѣлъ угрюмымъ старикомъ, взглядъ котораго то казался потухшимъ, то зажигался зловѣщимъ блескомъ. Подозрѣвая бояръ въ измѣнѣ ему, царь въ то же время понималъ, что этотъ классъ есть необходимое звѣно въ госу-

дарственномъ порядкѣ, сложившемся вѣками. Вотъ почему Иванъ даже и не пытался устранить бояръ отъ управленія государствомъ, а самъ ушелъ изъ думы боярской, предоставивъ ей вѣдать земское устроеніе, оставивъ ей власть, такъ сказать, на повседневныя дѣла. Онъ ушелъ отъ правящаго класса, чтобы не видѣть постоянно предъ глазами лицъ, присутствіе которыхъ наводило царя на мрачныя и самолюбивыя размышленія; но, уйдя въ сторону, Иванъ очутился на положеніи какого-то верховнаго трибунала, слѣдившаго за политическою благонадежностью земскаго, т. е. боярскаго правительства. Набранные вновь слуги изъ всякаго рода людей, положеніе которыхъ зависѣло исключительно отъ ихъ усердія и царской милости, представляли въ одно и то же время и охранительную гвардію, и сыщиковъ, и палачей, и соображниковъ царя Ивана. Изъ Александровской слободы зорко высматривались жертвы, именуемыя „измѣнниками", и затѣмъ подвергались пыткамъ и свирѣпымъ казнямъ. Не одни бояре раздражали мнительнаго Ивана. Его воображенію было легко представить государственную измѣну въ Новгородѣ и Псковѣ, прежній строй которыхъ внушалъ Ивану отвращеніе. Трудно сказать что-либо опредѣленное о „сыскномъ измѣнномъ дѣлѣ" новгородцевъ, ибо это дѣло до насъ не дошло; вѣрнѣе всего, что въ Новгородѣ существовало болѣе или менѣе сильное броженіе, какъ послѣдній отголосокъ былой самостоятельности; за то возмездіе, которое далъ новгородцамъ Иванъ, было страшно; смертью многихъ изъ своей братіи и раззореніемъ войсками Грознаго ихъ области новгородцы заплатили за свое недовольство московскимъ самодержавіемъ... Я не стану останавливаться на фактическихъ подробностяхъ этой стороны въ жизни царя Ивана, потому что не въ ихъ описаніи заключается цѣль настоящей общей характеристики; въ моихъ глазахъ всѣ жестокія крайности въ поведеніи Грознаго являются показателемъ того, что этотъ первый московскій царь не обладалъ отъ природы практическими свойствами ума, а имѣлъ въ избыткѣ воображеніе и чувство, подавлявшія въ критическіе моменты его волю. Подъ вліяніемъ яркихъ представленій, порабощенный чувствомъ, Иванъ былъ не въ состояніи удерживаться отъ исполненія своихъ моментальныхъ рѣшеній; на основаніи данныхъ, которыя можно найти въ источникахъ, составляется слѣдующая общая схема поведенія царя. За порывами гнѣва и озлобленія, сопровождавшимися казнами, обыкновенно слѣдовало тяжелое раскаяніе, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ царь несомнѣнно искренне рѣшилъ вести монастырскій образъ жизни, обративъ сейчасъ же свой дворъ въ монастырь, себя въ игумена, а

опричниковъ въ братію. Въ минуты раскаянія Иванъ снова дѣлался доступенъ для бесѣдъ съ духовными лицами, напр., съ митрополитомъ Филиппомъ; но теперь, при сильно развитой мнительности, это были дѣйствительно минуты; неосторожное слово кого-нибудь изъ бояръ, вдобавокъ перетолкованное не въ пользу сказавшаго, и этого бывало достаточно, чтобы царя снова охватывалъ неудержимый гнѣвъ; онъ опять начиналъ думать на свою обычную тему, что „ближніе возстали“ на него, „ищутъ зла“, и опять заподозрѣннымъ не было пощады, въ томъ числѣ и митроп. Филиппу; въ такихъ случаяхъ религіозное настроеніе царя смѣнялось необузданнымъ саркастическимъ кощунствомъ; такъ, напр., одного боярина, постригшагося въ монахи для избѣжанія казни, Иванъ приказалъ взорвать на воздухъ, сказавъ, что схимики тѣ же ангелы—пусть идутъ прямо на небо; за подобными поступками слѣдовали пиры и развратъ, чѣмъ царь хотѣлъ совсѣмъ забыться, скорѣе убѣдить себя, что онъ „чистъ отъ крови сей“.

Понятно, что при такомъ настроеніи и поведеніи царя политическія предпріятія, задуманныя широко, не могли закончиться такъ же успѣшно, какъ были начаты; царь не умѣлъ соблюсти должной мѣры въ требованіяхъ, и балтійскій вопросъ въ концѣ царствованія Грознаго сдѣлался для московскаго государства болѣе труднымъ, чѣмъ Иванъ получилъ этотъ вопросъ отъ предковъ. Затѣмъ, двойственнымъ управленіемъ царя и боярской думы народъ былъ доведенъ до такого состоянія, что потерялъ понятіе о собственности, потому что она у него почти совсѣмъ исчезла, а жалкіе остатки всегда могли отобрать или опричники, или намѣстники и приказные люди. Это даже было рѣзкимъ противорѣчіемъ тому, что Иванъ пытался дать народу до учрежденія опричины, когда однимъ законодательнымъ актомъ, въ пику верхамъ служилаго класса, управленіе областями было отнято у намѣстниковъ и предложено волѣ самой земли, если она захочетъ, управляться посредствомъ своихъ выборныхъ; но эта радикальная мѣра, имѣвшая свой прототипъ въ общинныхъ порядкахъ старины, была столько же блестяща, сколько и неисполнима по крайней ея непрактичности, хотя предлагалась она не даромъ, а за деньги: большинство областей, въ силу отвычки отъ самоуправленія, нашло его для себя невыгоднымъ и отказалось отъ слишкомъ большихъ, но не дешевыхъ правъ.

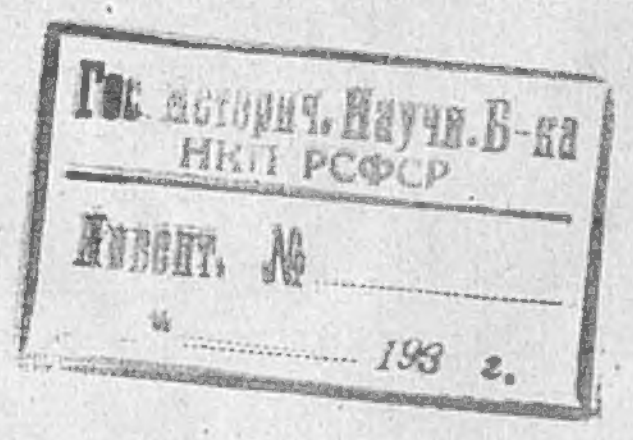
Словомъ, государство подъ управленіемъ Александровской слободы и Москвы пришло въ столь печальное состояніе, что Иванъ самъ, наконецъ, убѣдился въ неудобствѣ своего боеваго положенія по

отношенію къ высшимъ классамъ; послѣдствіемъ этого было возвращеніе царя въ Москву, поближе къ земщинѣ.

Но мнительность продолжала мучать Грознаго царя; ему приходили мысли, что дѣйствительно за всѣ его „беззаконія“ онъ недостоинъ царствовать и вмѣстѣ съ тѣмъ ему страстно хотѣлось еще испытать, какъ отнесутся къ нему бояре, если онъ снова откажется отъ престола и на этотъ разъ прямо возведетъ на него кого-нибудь изъ своихъ подданныхъ, а самъ встанетъ въ ихъ ряды. Производство крещенаго татарскаго царевича Симеона Бекбулатовича въ цари всея Руси и разжалованіе себя въ боярина Ивана московскаго— факты, которые явились реальнымъ результатомъ отмѣченнаго психическаго процесса, осложненнаго вдобавокъ желаніемъ зло поглумиться надъ боярствомъ; само собой разумѣется, что бояре поступили далеко не такъ, какъ дочери и зятья короля Лира, ибо очень хорошо знали, кому они обязаны дѣйствительнымъ повиновеніемъ, хотя крещеный татаринъ въ теченіе двухъ лѣтъ и возсѣдалъ на московскомъ тронѣ, а князь Иванъ московскій „отъ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами“.

Рабъ своего чувства, Грозный то утѣшался своимъ могуществомъ и богатствомъ, и въ такіе моменты любилъ пересматривать свои сокровища и показывать ихъ иностранцамъ, то думалъ объ убѣжищѣ въ Англіи, если его низложатъ бояре, то, наконецъ. воображалъ, что онъ уже „изгнанъ отъ бояръ“, „по множеству“ его „беззаконій“ и что даже „скитается по странамъ“, какъ онъ писалъ въ завѣщаніи. Не смотря, однако, на такое болѣзненное развитіе въ характерѣ Грознаго мнительности, въ послѣдніе 8 лѣтъ его жизни казней не было; очевидно, царь Иванъ испытывалъ чрезвычайное нравственное утомленіе послѣ безпокойной и неумѣренной жизни, но и въ этотъ періодъ горячее сердце царя не успокоилось и давало сильно себя чувствовать, какъ самому его обладателю, такъ и „ближнимъ“ людямъ. Нечаянное въ безумномъ гнѣвѣ убійство сына было страшнымъ и послѣднимъ ударомъ для царя, окончательно убѣдившагося въ своемъ „беззаконіи“ и снова отказавшагося отъ престола. Хотя его и „умолили» не покидать царства, но, разсылая свои покаянные синодики по монастырямъ, Иванъ представлялъ уже человѣка, совершенно сломленнаго нравственно; муки „душевныя и тѣлесныя“ сдѣлались невыносимыми, и царь скоро умеръ, едва-ли оставивъ въ комъ сожалѣніе о себѣ.

Между тѣмъ, это умеръ человѣкъ, всю жизнь безплодно искавшій друга, который его пожа-

лѣлъ бы; не находя себѣ сочувствія, царь Иванъ все болѣе и болѣе ожесточался и терялъ чувство мѣры, которое одно изъ всѣхъ чуствъ Грознаго было не велико и отъ природы. Бѣда для Грознаго заключалась именно въ томъ, что онъ не зналъ границъ своихъ поступковъ, поэтому, продолжая дѣло своихъ предковъ, онъ скорѣе испортилъ его, чѣмъ принесъ ему пользу; таланты, которыми Иванъ обладалъ, были не такого свойства, чтобы помочь ему въ практическомъ дѣлѣ управленія; они скорѣе вредили; эти таланты, давая царю чувствовать, что онъ выше окружавшихъ его людей, тѣмъ самымъ еще болѣе отдаляли его отъ нихъ, какъ личность особенную, на другихъ непохожую; московсія же дѣла, внѣшнія и внутреннія, требовали не талантовъ оратора и писателя, а практическихъ способностей черстваго и расчетливаго отъ природы дѣятеля. Такимъ образомъ, царь Иванъ, при всемъ своемъ умѣ, оказался слишкомъ увлекающейся и хрупкой натурой, чтобы выйти побѣдителемъ изъ житейскихъ отношеній, назрѣвшихъ къ его времени въ Московскомъ государствѣ; трагизмъ положенія царя Ивана не въ томъ что его понятія не соотвѣтствовали понятіямъ среды, а въ томъ, что психическая организація его личности далеко не вполнѣ соотвѣтствовала роду дѣятельности. Отъ этого Иванъ и принесъ много слезъ и горя своимъ подданнымъ и отъ этого же самаго разлада личности съ дѣятельностью онъ и самъ выстрадалъ немало. Развѣ не въ тяжкихъ душевныхъ мукахъ были написаны Грознымъ слѣдующія слова?

«Тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, струпы душевные и тѣлесные умножились, и нѣтъ врача, который бы меня исцѣлилъ; ждалъ я, кто бы со мной поскорбѣлъ, и нѣтъ никого утѣшающихъ, я не сыскалъ, воздали мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь“...